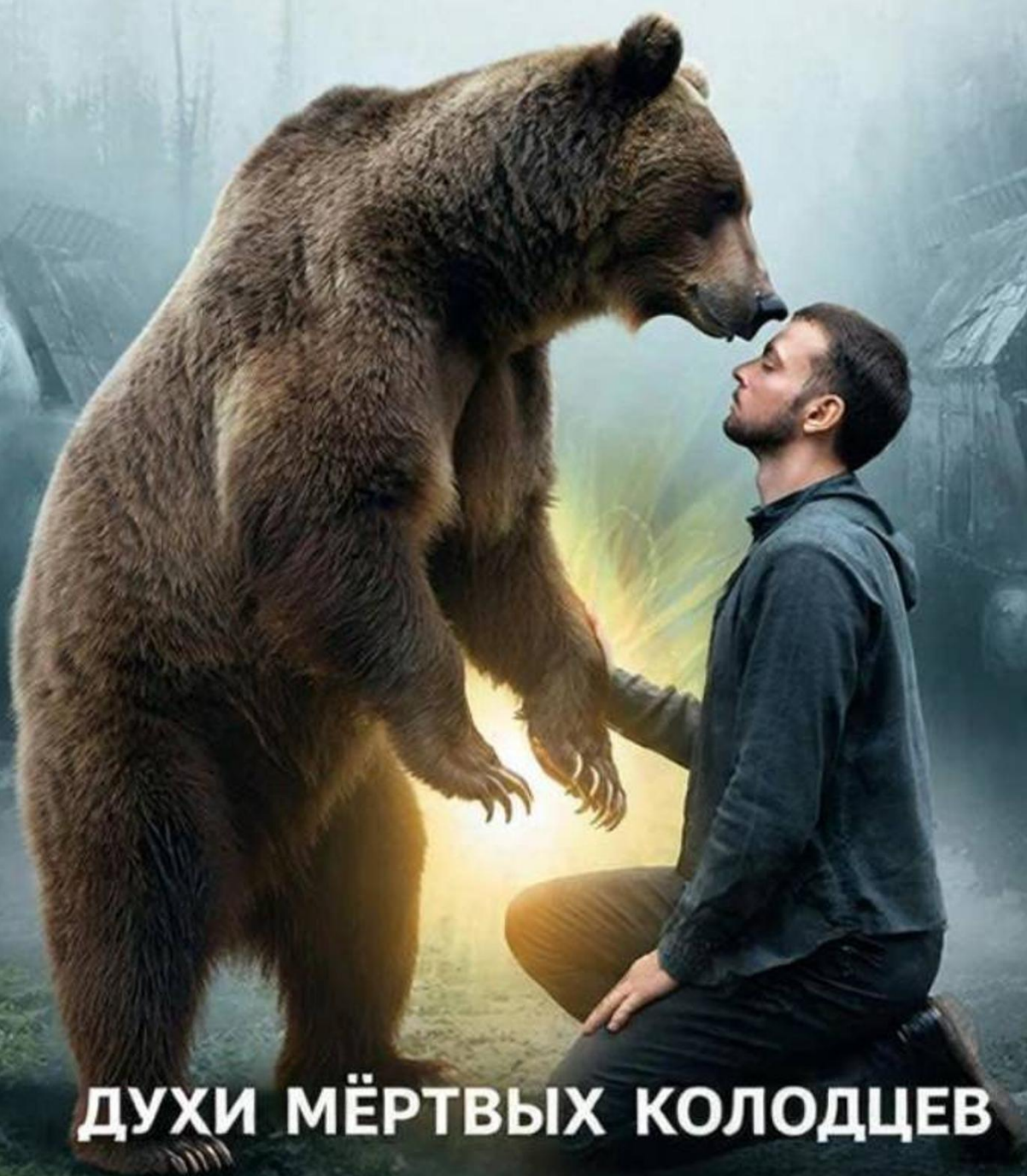

ЭФФЕКТ ИГОРЯ

ДУХИ МЁРТВЫХ КОЛОДЦЕВ

Константин Филипович

18+

Эффект Игоря

Константин Филипович

**Эффект Игоря. Духи
мертвых колодцев**

«Автор»

2026

Филипович К. В.

Эффект Игоря. Духи мертвых колодцев / К. В. Филипович —
«Автор», 2026 — (Эффект Игоря)

Игорь победил «Голод» в катакомбах, но его дар — успокаивать боль самой реальности — стал приговором. Новый задание — «Мёртвые колодцы» в Забайкалье. Место, где сталинские лагеря превратили землю в братскую могилу. Это не просто аномалия: здесь воздух помнит предсмертные крики, а камень пропитан болью умерших. Технологии «Архива» бессильны. Приборы сходят с ума, люди проваливаются в бездну собственного страха, а природа вокруг превращается в ловушку. Чтобы выжить, Игорю придётся сделать то, что запрещено всеми протоколами: опустить защиту и впустить чужую боль внутрь. Но эхо коллективной трагедии пробуждает в нём нечто большее, чем сострадание. В глубине его души просыпается древний, голодный зверь. И теперь вопрос не в том, сможет ли Игорь спасти других, а в том — останется ли он человеком, когда тишина наконец ответит ему.

© Филипович К. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ: ТИХИЙ ЗОВ	5
ГЛАВА 1: АРХИВ. СТРАДАНИЯ, ВПИТАННЫЕ В БУМАГУ	6
ГЛАВА 2: ПОРОГ. СНАРЯЖЕНИЕ И ПРЕДЧУВСТВИЕ	9
ГЛАВА 3: ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА. ДУХ ХРАНИТЕЛЬ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Константин Филипович

Эффект Игоря. Духи мертвых колодцев

ПРОЛОГ: ТИХИЙ ЗОВ

Когда рухнул Голод в проклятых катакомбах, Игорь думал, что наконец обрёл покой. Его ледяная крепость пала, но на руинах вырос сад – тихий, тёплый, защищённый связью с Екатериной. Они нашли пристанище в «Архиве», изучающем аномалии, и Игорь узнал страшную правду: мир пронизан сетью мест силы, каждое – рана на теле реальности.

Его дар «Эффект Игоря» успокаивал эту сеть. Но в тишине он начал слышать иное – не гул страха, а холодный, методичный шорох перестройки. Что-то будило древние узлы, но не для хаоса, а для какой-то чужой, непостижимой цели.

Бегство закончилось. Теперь он – не жертва и не беглец. Он – маяк в надвигающейся тьме. И новый охотник уже вышел на его след.

ГЛАВА 1: АРХИВ. СТРАДАНИЯ, ВПИТАННЫЕ В БУМАГУ

Библиотека Архива пахла старостью – пылью вековых фолиантов, кожей переплётков и холодной, звенящей тишиной. Но теперь в этот букет вплетался новый запах – запах предчувствия. Екатерина положила перед Игорем папку с выцветшими от времени листами. Её голос, обычно бесстрастный инструмент анализа, звучал ровно, но в нём чудился лёгкий металлический отзвук, будто она говорила не о свойствах почв, а о свойствах самой пустоты.

«Для первой совместной работы я предлагаю „Мёртвые колодцы“ в Забайкалье, – сказала она, разворачивая карту. – Эпицентр аномалии находится не в точке, а в сети. Географически – это лабиринт заброшенных штолен и шахтных стволов возле Шерловой Горы. Но для нас это не геология. Это памятник боли, высеченный в породе. И механизм его работы... он многослоен, как катакомбы. Только здесь страдание не кристаллизовалось в „Голод“. Оно растворилось в самой земле, в воздухе, в тишине».

Она говорила методично, выкладывая факты, как некогда выкладывала данные его энцефалограммы, но теперь между ними висела невидимая нить понимания.

Историко-трагический пласт.

«Сороковые годы. Вольфрам и молибден для брони. Рабочая сила – заключённые Кадаинского лагеря. Условия, при которых человек становится расходным материалом. Мороз, голод, пули в спину за попытку остановиться. Тысячи тел сброшены в отработанные штреки. Это не просто история, Игорь. Это эманация. Та самая „память места“, на которую так охотно откликался Голод. Только здесь нет центра, нет кристалла. Здесь боль размазана тонким слоем по километрам подземных ходов. Она не кричит – она шепчет. И этот шёпот впитался в камень».

Физико-химический пласт.

«Заброшенные выработки – природные реакторы. Радон, сероводород, метан. Некоторые газы – галлюциногенны. Ветер в лабиринтах создаёт устойчивый инфразвук. Не слышимый, но ощущаемый на уровне вестибулярного аппарата, кишечника, страха. Это физика, Игорь. Та же самая, что заставляла вибрировать датчики в катакомбах. Только здесь она не структурирована пси-полем. Она хаотична. Она не пытается тебя понять – она просто медленно разжижает твоё сознание».

Этнографический пласт.

«Местные буряты и старожилы обходят это место. Говорят о „хозяевах“, разгневанных осквернением недр. О „призраках без имён“. Их легенды – не суеверия. Это описание симптомов. Попытка дать имя тому, что не имеет формы».

Она переложив листок с полевыми отчётами. Её палец указал на список свидетельств – сухих, протокольных, оттого ещё более жутких.

«Звуковая палитра: скрип гниющих крепей в безветрие. Шёпот, обрывающийся, если к нему прислушаться, и сменяющийся ледяным дыханием из чёрного зева шахты. Гул, от которого за десять километров звенит стекло. Сенсорные искажения: запах гниения там, где гнить нечему. Металлическая пыль и озон, будто после разряда. И самое страшное – полное отсутствие запаха. Мёртвый, выхолощенный воздух, будто вырванный из реальности. Визуальные феномены: столбы марева над вентиляционными стволами на закате. Вода в луже, отражающая не небо, а тёмное движение из глубины. Это фиксируют приборы. Это не галлюцинация. Это... просачивание».

Она откинулась на спинку стула, её серые глаза изучали его. «Мёртвые колодцы – это природно-техногенная версия катакомб. Только здесь нет Воронова, который всё структуриро-

вал. Здесь всё предоставлено само себе. Физика готовит мозг, а история даёт пищу для кошмаров. Мы поедем изучать этот симбиоз. Проверим, сможет ли твоё поле... успокоить не разум, а само место».

В этот момент в библиотеку вошёл Артём. Его появление было беззвучным, как скольжение тени.

«Определились с объектом?»

«Мёртвые колодцы, – ответили они почти синхронно, ещё не выйдя из-под гипноза холодной логики Екатерины. – Забайкалье».

Артём кивнул, его взгляд скользнул от одного к другому, оценивая не решение, а их состояние. «Хорошо. Выдвигаемся через неделю. Базовый лагерь – заброшенная деревня Тихий Ключ. Там есть родник... или то, что от него осталось. Иногда сочится ржавая вода. Местные говорят, её журчание идеально повторяет человеческий шёпот. Считайте это первой калибровкой вашего восприятия на месте».

Он изложил план кратко и чётко: оборудование, легенда для посторонних, инструкции по безопасности. Медведи, свалы грунта, тишина, которая давит не хуже крика.

«И помните, – добавил он, уже поворачиваясь к выходу, – вы едете не героями и не жертвами. Вы едете исследователями. И впервые – командой».

На пороге он остановился, обернулся. Строгое, вечно усталое лицо смягчилось на мгновение. «Вы... хорошо дополняете друг друга, – произнёс он тихо. – Берегите это». Лёгкая, почти отеческая улыбка тронула его губы, и он исчез за дверью, растворившись в полумраке коридора.

Внезапно гулкая тишина библиотеки была нарушена скрипом двери в дальнем конце зала. В щелевидный просвет проскользнули два человека – пожилой мужчина с лицом, избороденным не морщинами, а чем-то вроде шрамов от невидимых ожогов, и молодая женщина, чья излишняя, деревянная прямота спины выдавала постоянное напряжение. Они не заметили Игоря и Екатерину в их нише.

«...доклад по папке „Белый шум“ готов, – монотонно произнесла женщина. – Полностью подтверждено. Река так и не вернулась в русло. Слуховые галлюцинации у группы „Альфа“ прогрессируют. Они требуют полной изоляции».

Старик тяжело вздохнул, звук был похож на скрежет камней. «Всё как в отчёте Михеева. Он предупреждал, что некоторые места... не лечатся. Только калечат тех, кто пытается. Спи спокойно, Володя...» Он поправил очки, и на мгновение его взгляд, острый и печальный, метнулся в сторону Игоря, будто видя сквозь стеллажи. «Новеньких опять на Колодцы?»

«Артём верит в этого, с катакомб, – ответила женщина, и в её голосе прозвучала не озлобленность, а усталая констатация. – Говорит, у него шанс. Не вернуться... другим».

Они прошли дальше, растворившись в лабиринте полок. Фраза «не вернуться прежним» повисла в воздухе, став тяжёлым, незримым грузом к уже и так пугающим фактам из папки Екатерины. Игорь почувствовал, как мурашки пробежали по спине. Архив был не просто организацией. Он был братством людей, прикоснувшихся к бездне и навсегда оставивших там часть своей тени.

В библиотеке повисла тишина, густая от образов затопленных шахт и забытых страданий. Игорь и Екатерина переглянулись. И странное дело – после месяцев боли, страха и ледяного анализа, после катакомб и Голода, после этой леденящей душу лекции о месте, куда они добровольно отправляются... они вдруг рассмеялись. Коротко, сбросив напряжение, которое копилось с первых слов о колодцах. Это был смех не над ужасом, а перед ним. Смех людей, стоящих на краю и знающих, что шагнут вместе.

Их смех оборвался, заглушённый новым звуком. Снаружи, сначала робко, а потом всё увереннее, зарокотали моторы. Глухой, басовитый гул тяжёлых грузовиков наполнил тишину

библиотеки, заставив дребезжать стёкла в высоких окнах. Звук нарастал, превращаясь в низкочастотный рокот колонны.

Они подошли к окну. Внизу, по главной дороге от базы, тянулась вереница машин. Бронированные контейнеры с оборудованием, вездеходы, цистерны. Кабины были затемнены. Эта колонна, укутанная в предрассветные сумерки, выглядела как караван, отправляющийся не в географическую точку, а в иную реальность. Она увозила с собой часть их будущего – датчики, приборы, броню – в заповедник немого страдания под названием Забайкалье.

Последний грузовик, мигнув красным огнём, скрылся за поворотом у скалы. Рокот стих, растворившись в привычном шуме прибоя. Но в звенящей тишине, что воцарилась после, теперь висел новый оттенок – тяжёлый, как запах железа и далёкой пыли. Путь был начат. Колонна ушла в тишину, чтобы приготовить им встречу с эхом, которое ждало своего слушателя.

ГЛАВА 2: ПОРОГ. СНАРЯЖЕНИЕ И ПРЕДЧУВСТВИЕ

На следующий день их вызвали на склад-арсенал Архива. Это была не просто выдача экипировки, а ритуал. Инженер с бесстрастным лицом, похожим на обработанный металл, проводил их по рядам стеллажей.

«Скафандр мягкого типа, модель „Тишина-7“, – он протянул Игорю комбинезон из матово-серой ткани, необычайно лёгкий, но плотный. – Многослойный. Внешний – антириповый, с рассеивающим пси-воздействие напылением. Средний – активный, с сетью датчиков и системой микромассажа для снятия мышечных зажимов от длительного стресса. Внутренний – терморегулирующий и биометрический. Все показания стекаются на ваш планшет и на пульт оператора». Он указал на тонкий, гибкий ошейник-гарнитуру. «Шумоподавление избирательное. Отсекает инфразвуковые и ультразвуковые аномальные частоты, пропускает нормальную речь. Тревожная кнопка – сдвинуть челюсть вправо и сглотнуть. Отправляет криптованный маяк и вскрывает ампулу с адреналином и ноотропом прямо в яремную вену. Действует семь минут. Хватит, чтобы либо спастись, либо... подготовиться».

Игорь молча примерял комбинезон. Ткань мягко облегла тело, почти не чувствовалась, но знание о вплетённых в неё технологиях и химических аварийных системах делало её тяжелее свинца. Это была не одежда, а персональная крепость и одновременно – система тотального наблюдения.

Екатерине выдали свой набор: портативную станцию мониторинга, похожую на раскладной алтарь, набор зондов для забора образцов воздуха и почвы в герметичные ампулы, и личное оружие – компактный ТЭЗ-импульсник, «громоотвод» для концентраций пси-энергии, больше похожий на странную авторучку. «Для защиты оператора в случае критического перевозбуждения поля, – сухо пояснил инженер. – Не смертельно. Если правильно настроить».

Процесс был стерильным, чётким, и от этого ещё более пугающим. Они не просто собирались в экспедицию. Они превращались в высокотехнологичные зонды, которые Архив собирался запустить в самое сердце патологии реальности.

Прошла неделя с тех пор, как колонна с оборудованием ушла в предрассветные сумерки, растворив свой рокот в прибрежном шуме базы. Теперь её груз – датчики, приборы, бронированные модули – должен был ждать их в Забайкалье, в заброшенной деревне вдали от человеческих глаз, приготовив встречу с эхом.

Артём вошёл в лабораторию, где Екатерина прорабатывала маршруты. На столе, под холодным светом ламп, лежали карты территории, испещрённые её чёткими пометками. Рядом – листы с записями из полевых отчётов и свидетельствами местных жителей, те самые «описания симптомов». Она соединяла точки аномалий, выстраивая логику для исследования, которому предстояло пройти Игорю.

«Всё готово к началу экспедиции, – сказал Артём, его голос нарушил тишину сосредоточенности. – Выдвигаемся в ближайшее время. Июнь – самое благоприятное время для Забайкалья: тепло днём и сухо. Экспедиция продлится до середины июля. Потом, если всё будет хорошо, покидаем базовый лагерь и возвращаемся. Если возникнут проблемы... будем действовать по обстоятельствам. Консервация или продолжение с доставкой дополнительного оборудования».

Он говорил чётко, как всегда, но в его словах висела тень тех самых «обстоятельств», которые могли родиться в лабиринтах Мёртвых Колодцев.

«Собирайтесь с Игорем. Вас ждёт вертолёт – он доставит вас в аэропорт на самолёт Архива, далее на машине повышенной проходимости доставят в лагерь».

Уходя, он обернулся на пороге. Его строгое лицо, смягчённое тогда в библиотеке, вновь было серьёзно. «И возьмите с собой тёплые вещи. Костюмы от клещей уже на базе. Вакцины получите по приезду». Он протянул два тяжёлых телефона с матовым корпусом. «Будем держать связь по этим аппаратам. Они ловят не через мобильную сеть, а через наши спутники. Будьте осторожны».

Эти слова – «будьте осторожны» – прозвучали не как формальность, а как прямое продолжение его напутствия в библиотеке. Берегите это.

Через несколько часов они уже выходили на залитую солнцем площадку, где их ждал вертолёт. Лопасты, медленно проворачиваясь, начинали взбивать воздух. Игорь и Екатерина переглянулись – и без слов сели в кабину. Тяжёлый гул винтов заглушил всё, кроме собственного сердца. Путь начался.

Игорь чувствовал, как ещё на взлёте что-то неуловимое начало тянуться к нему извне. Это было не зовущее, а фоновое – далёкое, тревожное эхо. По мере удаления от цивилизации оно прояснялось: он почти слышал боль. Не человеческую, а животную, инстинктивную. Словно вспышки искажённых образов: внезапная паника в глазах оленя, бегущего оттуда, немой крик в птичьей стае, сворачивающей в стороне от долины Жирикена. Боль и паника тех, кто бежал оттуда, из аномальной зоны, унося в своих генах смутный ужас, проступали в его сознании как физическое давление в висках.

Дорога, даже в сухую июньскую погоду, оказалась тяжёлой. Внедорожник, сменивший самолёт, кряхтел на ухабах и скальных выходах, пробираясь к посёлку по пути, сложному даже для джипа. Местный проводник, мужчина с лицом, вырезанным ветром и солнцем, сидел молчаливо, но под мерный рокот мотора заговорил. Его звали Василий. Рассказ его был лишён эмоций, оттого ещё более вещественным.

«В девяносто седьмом, – сказал он, глядя в лобовое стекло на бегущую тайгу, – при загадочных обстоятельствах здесь погибла группа. Пять опытных туристов из Читы. Четыре девушки и парень. Вышли из Жирикена и пропали. Искали почти год. Летом девяносто восьмого нашли остатки лагеря и... тела. Причины – неизвестны». Он помолчал, словно взвешивая, стоит ли говорить дальше. «Я в тех поисках участвовал». Василий развернулся к ним, и в его глазах, привыкших к безмолвию тайги, Игорь прочитал вопрос, на который у проводника не было ответа. «Я отсюда сам, из этих мест. После этого многие уехали. А я остался. Здесь дом. Но теперь знаю, что в моём доме есть комната, в которую не стоит совать нос. Вот вы и приехали в эту самую комнату посмотреть».

Екатерина, слушая, не дрогнула, но Игорь почувствовал лёгкое изменение в её поле – холодную волну аналитической тревоги. Она не выдала своего беспокойства, но этот случай лёг ещё одним слоем в многослойный механизм места, о котором она говорила в библиотеке. В её голове уже выстраивалась кривая вероятностей, рассчитывался новый коэффициент риска. Это был не миф, а протокол. Симптом.

Машина, наконец, с глухим стуком остановилась. Они оказались в таёжной, горной чаше. Лагерь был разбит у реки Жирикен – неширокой, стремительной, с водой цвета холодного чая. Воздух был сырым и холодным, несмотря на июнь. Туман стоял в долине, а с гор, как клоуны ваты, сползали облака. Среди первозданной глуши, у кромки леса, стояли два герметичных модуля Архива – стальные капсулы, состыкованные с генератором. Рядом, как игрушечные, виднелись палатки для персонала. Техники в комбинезонах без лишних слов переносили ящики с оборудованием, их тихая, чёткая работа казалась неестественной на фоне дикого пейзажа. Природа была необычайно, почти пугающе красива – величественная и безразличная.

«До самих Мёртвых Колодцев отсюда примерно двадцать-двадцать пять километров по прямой, – пояснил Василий, выгружая рюкзаки. – По тайге и бездорожью. Ближе лагерь разбить было нельзя. Да и... – он махнул рукой в сторону гор, – зверь оттуда уходит. Птицы над ущельем не летят. Примета».

Екатерина, кивнув, направилась переодеваться в свой модуль – островок знакомой технологии среди этой первозданной глуши. Игорь же остался у реки. Он наклонился к воде, будто прислушиваясь не к её журчанию, а к истории, которую она несла с верховьев, от тех самых штолен. Его чувства, обострённые ожиданием встречи с аномалией, были распахнуты навстречу миру. И мир этот оказался иным. Он чувствовал настоящую жизнь вокруг – не искривлённую страхом или болью, а полную, мощную. Даже люди здесь были другими: не суетливые, не бегущие. Они казались замкнутыми при первой встрече, но в их молчаливой силе чувствовалась открытость – для друзей, для гостей, для доверия. Характер первопроходцев, закалённых ветрами Даурии и согретых теплом домашнего очага. Это была та самая «живая» почва, на которую легла тень «мёртвой».

Проводник, заметив его внимание, сказал тихо, глядя на туман над рекой: «Говорят, её журчание иногда идеально повторяет человеческий шёпот». Слова Артёма о первой калибровке восприятия всплыли в памяти Игоря. Калибровка уже шла. Вечером, проверяя снаряжение, он наткнулся на старый, почерневший от времени компас, валявшийся у входа в палатку. Стрелка его дрожала, упрямо указывая не на север, а куда-то в сторону долины, где должны были быть Колодцы. Техник, увидев это, лишь хмыкнул и забрал прибор, бросив замечание о «местной магнитной аномалии». Ночью, сквозь шелест тайги, Игорю на мгновение почудился далёкий, нечеловеческий вой, от которого похолодела спина. Но Василий, дежуривший у костра, лишь подбросил сушняка и сказал спокойно: «Рысь. Или ветер в расщелинах. Пора привыкать к голосам тайги».

Позже, когда лагерь погрузился в сон, а дежурный техник монотонно щёлкал тумблерами у генератора, Игорь выбрался из палатки. Тишина обрушилась на него физически – не как отсутствие звука, а как нечто густое, вязкое, давящее на барабанные перепонки. После постоянного гула базы Архива у моря эта абсолютная тишь была оглушительной. Он стоял, слушая биение собственного сердца, и вдруг понял, что слышит ещё что-то – не звук, а его отсутствие. Ни ветра. Ни треска сучьев. Даже река словно притихла.

А потом тишина взорвалась.

Из чащи донесся душераздирающий визг зайца, мгновенно оборвавшийся влажным хрустом. Где-то высоко в небесах, невидимая, пронзительно вскрикнула какая-то ночная птица. Справа, метрах в пятидесяти, гулко и тяжело рухнуло на землю подгнившее дерево. Звуки были резкими, чёткими, не связанными друг с другом, будто тайга нажимала клавиши на гигантском, расстроенном инструменте. Игорь ощутил это не как хаос, а как речь. Дикую, древнюю, полную незнакомых ему интонаций – предупреждений, угроз, боли. Его дар, всегда настроенный на человеческие частоты страха, лихорадочно пытался декодировать этот поток, но ничего не выходило. Это был чужой язык, и его грамматикой было насилие и холод. Он почувствовал себя глухим в комнате, где все кричат.

Василий, выйдя покурить, увидел его бледное лицо в свете фонаря. «Первая ночь в настоящей тайге? – спросил он, негромко. – Она всегда так разговаривает с новичками. Проверяет. Показывает, кто здесь гость, а кто хозяин. Спи. Завтра будет хуже».

Игорь пошёл отдыхать в подготовленную палатку перед первым выходом в лес, который должен был состояться на следующий день. Лёжа в тишине, нарушаемой лишь шелестом тайги и отдалённым плеском реки, он нащупал под тонким ковриком что-то твёрдое. Это оказалась пуговица от старой советской полевой куртки, почти сросшаяся с землёй. Кто её потерял? Турист из той пропавшей группы? Искатель? Он положил находку в карман, чувствуя её холодный вес. Внезапно он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Ощущение было физическим, как лёгкое давление в затылке. Он резко обернулся к застёгнутому пологу палатки – снаружи был только мрак, прорезанный лучом фонаря из соседнего модуля, и пляшущие тени от ветвей. Никого. Но чувство не уходило ещё несколько секунд – безмолвное, тяжёлое, внимательное. Это была не простая настороженность тайги. Это было осознанное наблюдение.

Он заставил себя сделать глубокий вдох. Возможно, это просто усталость, последствия долгой дороги и тревожных рассказов. Но он знал: его способность улавливать фоновые эманации могла работать в обе стороны. Если он чувствует место, то что мешает месту чувствовать его? Аномалия не спала. Она дышала там, в двадцати пяти километрах, в лабиринте заброшенных стволов. Дышала и ждала. Ждала своих исследователей – не героев и не жертв, а команду, стоящую на краю. И тишина вокруг уже была не просто отсутствием звука. Она была той самой тишиной, в которую неделю назад ушла колонна, – тяжёлой, насыщенной запахом железа, далёкой пыли и немого вопроса. Вопрос был обращён к ним. И очень скоро им предстояло найти на него ответ.

ГЛАВА 3: ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА. ДУХ ХРАНИТЕЛЬ

Утро началось с колючей сырости. Холодный ветер, пробиравшийся сквозь слои специализированной одежды, напоминал Игорю, что здесь, в Забайкалье, даже июнь может быть немилосердным. Он вместе с техниками готовил робота-носильщика к первому выходу – массивную, шестиногую машину, нагруженную герметичными контейнерами с оборудованием для перевалочного лагеря. План был чётко: создать цепочку точек в пяти километрах друг от друга, ближе к аномалии. Там можно будет отдыхать, заряжать аккумуляторы, готовиться к проникновению в саму зону.

Екатерина, уже занявшая пост в одном из гермомодулей, погрузилась в мониторы. На её экранах выстраивались кривые с датчиков, установленных на Игоре и роботе, карта электромагнитного фона, сейсмическая активность. Её мир сузился до потоков данных, а его – вот-вот должен был расшириться до тайги.

К полудню погода переменялась с капризной быстротой горной страны. Туман рассеялся, вышло солнце, и сырой холод сменился непривычной, почти знойной жарой. Игорь, умывшись ледяной водой Жирикена, почувствовал прилив странной бодрости. Природа вокруг дышала полной грудью, и его собственные чувства, всегда чуткие к фоновым вибрациям, казалось, натянулись, как струны.

Именно в этот момент к нему подошёл проводник Василий. Лицо его было серьёзнее обычного.

– Игорь, беда. У пастуха с дальнего привала ребёнок пропал. Девочка. Убежала в лес утром, до сих пор не вышла. Ищут уже часа четыре.

Василий помолчал, вглядываясь в него.

– Наш старик, шаман, говорит... что ты имеешь связь с природой. Чувствует, говорит. Просит помочь. Мы будем благодарны.

Игорь, не раздумывая, направился к модулю Екатерины. «Надо помочь найти ребёнка».

Она кивнула, не отрываясь от экранов. Её пальцы пролетели по клавиатуре.

– Активности в районе поисков нет. Фон спокоен. Иди. Роботом займётся инженер удачно, точки для лагеря я уже сбросила на планшет. Будь осторожен.

Через несколько минут Игорь и Василий уже мчались на выносливых забайкальских лошадях к месту, где собрались поисковики. Лес встретил их густым, душным молчанием. Группа из полутора десятков местных жителей выстроилась в цепь. Методика была простой и безжалостной: линия людей на расстоянии видимости друг от друга, медленное, тщательное прочёсывание. Они шли, раздвигая шестами высокую траву, заглядывая в овраги, под бурелом. Каждый сантиметр земли должен был быть проверен.

Игорь увидел мать. Она стояла на опушке, беззвучно плача, её тело содрогалось от рыданий, которые, казалось, не находили выхода. Рядом старая, сгорбленная женщина пыталась её утешить, её руки, исчерченные глубокими морщинами, как карта тяжёлой жизни, гладили дочь по спине. Игорь хотел подойти, спросить фото, но слова застряли комом в горле. Он просто встретился с ними взглядом.

– Коптерами не искали? – тихо спросил он у Василия, уже отходя от женщин.

– Пробовали, – мрачно ответил проводник, кивая на густой, почти сплошной полог листвы над головой. – Тепловизор слепой в этой зелени, а оптикой под кроны не заглянешь. Тут только так, в цепь. Ногами и глазами.

И в этот миг в его голове рассыпался тихий хаос. Не гул аномалии, а живой, тревожный шёпот самого леса: отрывистый треск сучка вдалеке, встревоженный шелест листвы, далёкий, оборванный крик птицы. И сквозь это – тонкая, пронзительная нить чужого, детского страха.

Он почувствовал его явно и чётко, как физическую боль в висках. И рядом – что-то большое, тёмное, насыщенное инстинктивной яростью и ещё чем-то... холодным, чужеродным.

Не думая, забыв про цепь и методику, Игорь рванул с места. Он бежал, как одержимый, спотыкаясь о корни, хватаясь за стволы. Воздух обжигал лёгкие. Он бежал навстречу тому страху и той ярости.

Он наткнулся на неё внезапно. Маленькая, прижавшаяся к старой сосне фигурка в выцветшем платице. Девочка. Глаза, широкие от ужаса, были полны слёз. Игорь, не говоря ни слова, присел перед ней и обнял. Он чувствовал, как её маленькое тело бьётся в ознобе. Достал из походного термоса крышку, налил тёплого чая. «Пей, всё хорошо».

И в этот момент его спину пронзил ледяной холод, не от ветра, а изнутри, от чувства смертельной опасности. Он резко обернулся.

Из-за деревьев, в двадцати шагах, поднимался на задние лапы медведь. Огромный, темно-бурый хозяин тайги. Три метра ярости и мощи. Его рёв, низкий и раскатистый, заставил содрогнуться воздух. В его маленьких, блестящих глазах Игорь увидел не просто звериный голод. Он почувствовал ту самую холодную, чужую ноту – не слепую агрессию, а яростную, почти осознанную защиту. Защиту своего места от вторжения.

Страх сковал Игоря ледяными тисками. Девочка замерла у него за спиной. Разум, натренированный катакомбами, лихорадочно искал выход. И тогда он сделал единственное, что мог. Он закрыл глаза на долю секунды, отгородившись от устрашающей картины, и обратился внутрь себя, к своему дару.

В его сознании не было слов. Были образы, рождённые его собственным, детским страхом темноты, который он так хорошо помнил. Он мысленно протягивал не молитву, а ощущение: тяжёлую, как камень, неподвижность корня; холодную, чистую гладь лесного озера до первого ветра; глубокую, немую тишину подземной пещеры. «Вот. Я такой же. Я здесь. Угрозы нет».

Он повторял этот поток немых ощущений беззвучно, не столько медведю, сколько самой ткани реальности вокруг, пытаясь сгладить острые углы паники и ярости.

Медведь замер. Его рёв оборвался. Мощные лапы опустились на землю. Он сделал шаг вперёд, потом ещё один, приближаясь. Игорь застыл, не дыша, продолжая свой безмолвный посыл. И произошло невероятное: ощущение чужеродного холода, злобы стало таять, уступая место чему-то древнему, тяжёлому, но... своему. Родному. Ярость сменилась настороженным любопытством, а затем – на смутное, тёплое признание.

Медведь подошёл вплотную. Его горячее дыхание пахло хвоей и лесной влагой. Он опустил массивную голову и прижался лбом к груди Игоря. На миг возник контакт – не физический, а на каком-то глубинном, первозданном уровне. Зверь почувствовал тот самый росток в душе Игоря, а Игорь ощутил мощный, немой поток жизни, простой и чистой.

В этот момент из кустов метрах в пятнадцати появился Василий. Он стоял вполборота, ружьё наперевес, палец на спусковом крючке. Его лицо было каменной маской сосредоточенности. Игорь, не отрываясь от медведя, медленно поднял руку в его сторону, ладонью вперёд. Жест был красноречивее любых слов: Не стреляй. Всё в порядке.

Медведь, словно поняв, что спектакль окончен, фыркнул, развернулся и тяжело, неспешно зашагал в чащу, растворившись в зелёном полумраке.

Возвращение в лагерь поисковиков было смутным пятном в памяти Игоря. Радостные крики, мать, прижимающая к себе дочь, всеобщее облегчение. Он чувствовал на себе десятки взглядов – благодарных, изумлённых, настороженных. К нему подошёл старый шаман, тот самый, что попросил о помощи. Молча, он протянул Игорю деревянный амулет – фигурку медведя, грубо вырезанную, но исполненную внутренней силы, на прочной кожаной нити.

– Для защиты, – только и сказал старик, кивнув. – От духов леса. Теперь они тебя знают.

Игорь кивнул в ответ, надел амулет на шею. Он не хотел ни похвал, ни расспросов. Сев на коня, он один уехал обратно в базовый лагерь.

Екатерина стояла у входа в модуль. Её лицо было неестественно бесстрастным, словно все эмоции были выморожены внезапным шоком, но в уголке глаза подрагивала едва заметная нервная мушка. При его приближении она сделала резкий, почти судорожный вдох.

– Я всё видела, – произнесла она голосом, лишённым привычной металлической чёткости. Он звучал приглушённо, как сквозь вату. – Медведя, девочку... тебя. Коптер следовал по сигналу браслета на автопилоте... Игорь, я...

Он перебил её, обняв. Тело её было жёстким и неподатливым, как у солдата перед первой атакой.

– Я не мог её бросить, – тихо проговорил он. – Я чувствовал её страх... он был как мой в детстве. Отчаяние и полная неизвестность.

Он закрыл глаза, вспоминая лицо девочки. Не просто детское личико, а целый мир: скулы, острые, как горные пики, и доверчивые, глубокие глаза цвета забайкальского неба и тайги. Живые, выующиеся на ветру волосы, крепкое, ловкое тело, привыкшее к просторам. Взгляд, в котором читалась вся сила и тишина этой земли.

Помолчав, он добавил уже другим, аналитическим тоном:

– Я чувствовал, Екатерина. То, что влияет на животных здесь... это не для нападения. Это для защиты. Для устрашения. Они защищают что-то. Что именно – нам и предстоит выяснить.

Она кивнула, собравшись. Голос её вновь приобрёл металлическую чёткость.

– Твой браслет зафиксировал мощный пси-всплеск. Не со стороны аномалии, Игорь. Твой. Он был... спокойным, но невероятно сильным. Здесь, в этой тайге, твой дар стал сильнее. Лес... он питает тебя. Ты стал его частью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.